

Государи Московские

МЛАДШИЙ СЫН
ВЕЛИКИЙ СТОЛ
БРЕМЯ ВЛАСТИ
СИМЕОН ГОРДЫЙ
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
ОТРЕЧЕНИЕ
СВЯТАЯ РУСЬ
ВОЛЯ И ВЛАСТЬ
ЮРИЙ

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
МАРФА-ПОСАДНИЦА
ПОХВАЛА СЕРГИЮ
БАЛЬТАЗАР КОССА

Дмитрий Балашов

БАЛЬТАЗАР КОССА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 20

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Балашов Д.

Б 20 Бальтазар Косса : роман, повести, рассказы / Дмитрий Балашов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 672 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29897-2

Бальтазар Косса — человек, имя которого окутано легендами. Он вошел в историю под именем папы римского Иоанна XXIII, но и половины из приписываемых ему грехов хватило бы самому великому грешнику. Более пяти веков имя Иоанн — до того особенно популярное среди понтификов — считалось запятнанным, поскольку в начале XV века его присвоил себе Косса, снискавший славу пирата, убийцы и развратника...

«Бальтазар Косса» — последний законченный роман писателя, филолога Дмитрия Михайловича Балашова, автора грандиозного цикла «Государя Московские». На сей раз приглашая читателей отправиться в бурную эпоху Великого раскола Римской церкви, Дмитрий Балашов предлагает свое видение личности Бальтазара Коссы, Иоанна XXIII, — то ли оклеветанного недоброжелателями, то ли в самом деле заслужившего свою мрачную славу.

В настоящий сборник вошли также повести и рассказы Дмитрия Балашова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-29897-2

© Д. М. Балашов (наследники), 2002
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Материалы для этой книги собирал Борис Александрович Пономаренко. Приношу ему глубокую благодарность.

Автор

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Когда я читал эту рукопись друзьям, один из них, человек строго верующий, сказал, что не надо нам, православным, разбираться в европейских церковных делах. Своих бед хватает! Возможно, подобное мнение возникнет и еще у многих читателей. Мне, однако, оно показалось малоубедительным. Именно теперь, когда наша церковь готовится пасть в объятия Рима, а правительство уже подчинилось диктату Запада и Штатов (что наглядно выявилось в том, что мы допустили раздел страны и, по чужой указке, дважды предали дружественную нам Сербию), теперь, когда Запад стал для нас эталоном в массовой культуре и в самом образе жизни, именно теперь стоит разобраться в том, что собой не только представляет, но и представлял Запад в те века, когда у нас еще только складывалась Московская Русь, а на Западе совершался могущественный поворот к светскому мировоззрению, приведшему к тому, к чему пришло нынешнее «прогрессивное» человечество. И чем мы больше поймем Запад, узнаем, откуда что пошло, тем лучше, представляется мне, сумеем разобраться в наших нынешних бедах.

Эта книга¹ преследует меня уже несколько лет. Нет, не в ней самой дело! Написана она ясно, обстоятельно, даже увлекательно, и — плохо. Плохо потому, что герой ее заранее «изобличен» и осужден автором «прежде суда», но не показан ни в делах своих (государственных делах!), ни даже в разворот своих чудовищных страстей, а о том очаровании, которое он умел пробудить, верно, не в одних женщинах, — хотя, по сути своей, весь роман Парадисиса посвящен исключитель-

но амурным подвигам героя, — можно только догадываться. И все же, даже сквозь нравоучительный строй речи автора проглядывают, словно в разрывах громоздящихся туч, грандиозные (не хочется вновь повторять слово «чудовищные») глубины этого бешеного характера: пирата, убийцы, насильника, а с тем вместе умницы, покровителя гуманистов, крупного церковного деятеля и несомненного таланта, — ставшего в конце концов римским папой Иоанном XXIII, — столь ярко являющего собою непознанную доселе эпоху так называемого «Возрождения». Ибо совсем не в реабилитации античной старины там было дело, а совсем-совсем в другом!

Да, конечно, что такой человек стал папой (а до того, в чине кардинала, ряд лет успешно правил Католической церковью под эгидою престарелых и уже неспособных к активной деятельности римских первосвященников), это в свою очередь урок и, возможно, даже позор для католицизма. Тем паче, что не в пресловутом *filioque*, а вот именно во всевластии папского престола, в том, что живой и страстный человек может стать наместником самого Бога на земле, присвоить себе абсолютную непререкаемую земную власть, в этом именно главное расхождение нас, православных, с католическим миром... Увы! Соборность церкви, нами отстаиваемая, не дает того эффекта в управлении аппаратом церкви, как «единодержавная» власть пап, в которой сила церковной организации как бы сосредоточивается, фокусируется в одном лице, в одном волевом устремлении, что в делах земных дает гораздо больший эффект, чем неповоротливые решения соборов, туго собираемых, подверженных постоянной язве споров и промедлений... Все так! Но вот именно в делах земных. И все совсем наоборот, ежели мы помыслим не о земном, а о духовном мире, о категориях Вечного и Нетварного Существа, создавшего зримый мир и наделившего нас свободой воли.

Но ежели дело было бы в одном лишь споре православных с католиками, о Бальтазаре Коссе можно бы было и не вспоминать. Хватало в Риме пап, пример и поведение которых были достаточно красноречивы и достаточно «отрицательны». Был папа, который любил наблюдать случки коней, а к себе

на пиры созывал римских проституток и заставлял их, совершенно голыми, собирать орехи с пола, рассматривая их выставленные напоказ зады. Были прямые атеисты. Был папа, который пил в честь римских богов. Были распутники, изуверы, мздоимцы, были папы, поклонявшиеся Сатане. Была, наконец, женщина, переодевшаяся мужчиной и избранная папой римским (!). Были, разумеется, и ревнители благочестия, и глубоко образованные, и властные, и даже глубоко верующие люди... Было все! Но в Бальтазаре Коссе крылось что-то еще иное, почему римская курия и захотела, уже в нашем столетии, от него отделаться, точнее — отделаться от памяти о нем. Имя Иоанна XXIII было избрано для себя в 1958 году кардиналом Ронкалли в момент возведения его на папский престол, а Косса, соответственно, таким образом вычеркнут из списка лиц, последовательно занимавших престол Святого Петра.

Почему-то мне остро захотелось разобраться в этой фигуре, надолго и прочно проклятой и все-таки удивительно неоднозначной!

I

О детстве и ранней юности Бальтазара мы почти ничего не знаем. Да, он, конечно, учился! Грамоте и, разумеется, латыни — всеобщему тогдашнему языку науки и церкви в Западной Европе. И конечно, в церковной школе (светских тогда не было), а возможно, и дома. Род графов Белланте, владельцев Прочиды и острова Иския близ Неаполя мог себе позволить иметь домашних учителей для своих детей, дочери² и четверых мальчиков, которые (все!) стали к тому же пиратами и обогащали родовое гнездо нескучно.

По семейной легенде, их род восходил ко временам далекого прошлого. Имя Корнелия Коссы, римского полководца, упоминается еще в 294 году от основания Рима, то есть Косса насчитывали за собой почти две тысячи лет истории! Восемнадцать веков непрерывной жизни рода — может ли такое быть? Но все Косса в это верили, и вера эта, родовая гордость, немалое значение имела для каждого из них, а для Бальтазара особенно. Заметим, что и пиратами Косса были далеко не всегда. Пятьсот лет, как утверждает сам же Парадисис, род Косса поставлял своих членов в ряды церковных деятелей Италии, и именно потому родители столь заботились о воспитании своего младшего сына, возлагая на него особые надежды³.

Бальтазар Косса родился где-то около 1360 года и умер в 1419-м.

Время было суровое. Западная Европа, по выражению Л. Н. Гумилева, «набухла пассионарной энергией». Создавались монархии, в Испании заканчивалась реконкиста, во Франции начиналась Столетняя война. Еще не отошла в про-

шное идея Крестовых походов: «Освобождения Гроба Господня». Не за горами были Гуситские войны, и уже брезжило не в отдалении время великих географических открытий, время Реформации и господства Западной Европы надо всем миром...

Италия XIV столетия представляла собою шесть больших и множество мелких государств, постоянно враждующих друг с другом, которые никак не могли объединиться, но не потому, что не было сил, а потому, что сил было слишком много и у богатееющих городских коммун, и у знати, рвущейся к власти, и никто никому не хотел уступать.

Юг Италии, с городом Неаполем и Сицилией, занимало Неаполитанское королевство, которому какое-то время принадлежали Прованс и владения на Балканах. Впрочем, Сицилия рано выделилась в особое государство с испанской арагонской династией, а Прованс отошел к Франции. Выше него располагалась папская область, «патримоний Святого Петра». Еще севернее — Флорентийская республика, постепенно вобравшая в себя всю Тоскану, изготовлявшая лучшие в мире сукна, богатееющая и на торговле, и на финансовых операциях, банкирские дома которой хозяйничали едва ли не во всех странах Запада. Север Италии, Ломбардию, занимал Милан (позже — миланское герцогство), также стремившийся расширить свои владения за счет соседей. На западном побережье, близ Франции, узкою полосой располагалась владычица морей, Генуэзская республика Святого Георгия, а на Востоке — Венеция, вторая владычица морей. Та и другая республики господствовали на Черном и Средиземном морях, торговали, богатели и отчаянно дрались друг с другом в спорах о наследстве поверженной и стареющей Византийской империи. Генуэзцы почти захватили Константинополь, хозяйничали в Крыму, держали торговые дворы на Москве. Сейчас можно уверенно утверждать, что и поход Мамай на Русь организовали именно генуэзцы.

А между этими шестью государствами располагалось множество мелких, подчас тоже достаточно сильных. На западе —

Пиза, когда-то соперничавшая на море с Генуей, и Лукка. На востоке — Римини, Урбино, Верона, Падуя, Мантуя, Феррара, Равенна, Болонья... Все они союзничали и боролись, отбирая друг у друга земли и города. По стране прокатывались вооруженные отряды предводителей наемных дружин кондотьеров, и никто не слушал дальновидных мыслителей, вроде того же Маккиавелли, предупреждавших, что добром это не кончится, что раздробленную Италию завоюют в конце концов сильные соседи (если не французский король, то германский император или австрийские Габсбурги), что и произошло полтора века спустя.

Да и как было — за цветением светской культуры, поэзии, живописи, зодчества, за расцветом промышленности и торговли, ростом университетов, финансовой экспансией (банкиры Италии ссужали деньгами даже английских и французских королей!), как было в век Джотто и Данте, Петрарки и Боккаччо, Донателло и Пизано, в век, когда Италия царила во всем: в модах, нравах, юриспруденции, изобразительных искусствах — догадаться, что это начало конца!

Остров Иския, владение графов Белланте, славится своими термальными теплыми источниками. Древнеримское происхождение графов Белланте достаточно гадательно. Во время войн Юстиниана и нашествия Лангобардов римская знать была едва ли не вся истреблена. Но на побережье Адриатики, чуть севернее Рима, есть местность под названием Белланте. То есть, возможно, что род Коссы происходил оттуда, а затем перебрался на западный берег итальянского полуострова. Возможно даже допустить провансальское происхождение Косса, по многолетним связям семьи с Анжуйской династией. Уверенно тут утверждать что-то трудно.

Заметим еще, что в изложении событий мы взяли следовать за Парадисисом, но при внимательном изучении источников многие его построения рушатся, как карточные домики, и скорее напоминают литературный прием «сгущения и сближения», чем истину.

Однако Бальтазар Косса реально существовал-таки, пиратствовал, учился, стал папой, был обвинен, среди прочего, в чрезвычайной любви к женщинам (или женщин к нему, что, впрочем, почти одно и то же), и это одно уже не вымысел и позволяет проследить канву его жизни, скажем так, без существенных ошибок.

Косса с юности, во всем и всегда, стремился быть первым. Учение давалось ему без особого труда. По-видимому, и «тривиум», тогдашнюю начальную школу, — куда входили изучение грамматики, риторики и диалектики, — он постиг еще дома, до тринадцати лет. Но он хотел быть первым и во всем прочем: в мальчишеских драках, в различного рода состязаниях (позже, в Болонье, он станет усиленно упражняться в фехтовании), в верховой езде, в гребле. Рано созрев, он как-то почти незаметно для себя стал мужчиной, мимоходом лишив невинности одиннадцатилетнюю деревенскую девочку Джулию, которая сперва вырывалась и плакала, а потом начала пылко целовать и обнимать своего тринадцатилетнего любовника, который, не ощутив ничего, кроме некоторого физического облегчения, принимал ее ласки с легкой отроческой насмешкой и быстро бросил девушку, а бросив — и позабыл. Во дворе Косса хватало и рабынь, и молодых служанок, готовых отдаться пылкому видному мальчишке, младшему хозяйскому сыну, с уже означившейся мускулатурой сильных рук и широких плеч, который мог запрыгнуть в седло, не касаясь стремени, и совсем не боялся править лодкой с тяжелым просмоленным парусом в бурю, когда сумасшедшие волны грозили вот-вот разбить утлую посудину о прибрежные скалы.

В нем уже тогда проглядывала та южная мужская красота, расцветшая ярким цветом в бытность его в Болонье, в чине студента-теолога (или, скорее, правоведа), которая отличала Бальтазара от многих других и даже выделяла его среди четверых братьев Косса.

Женщин он завораживал, они готовы были ради него на все. Это лицо, бледно-смуглое, со слегка выгнутым, саблею, носом⁴, эти жгуче-черные, пробивающиеся по щекам будущие

баки, точнее — тонкий очерк будущей растительности лица, эта черная грива крупных кудрей, это властное, мужское, почти животное, хищное, но отнюдь не тупое выражение лица, а разбойно-самоуверенное, и безжалостный какой-то взгляд нежданно светлых (а возможно, и антрацитово-черных!) широко расставленных глаз, тоже не скажешь «звериный», нет, человеческий, очень мужской, но лишенный того даже намека жалостливости — дряблости ли? инфантильности? красоты? как угодно называй! — свойственной серо-голубым российским очесам, являющим и характер сходственный, склонный к мечтательности, рефлексии, самокопанию... Тут же рефлексии не было никакой, даже и намека на нее не было! Желаемое бралось с бою и сразу. Женщины таким мужчинам отдаются не раздумывая, «падают к ногам», спешат раздеваться сами, почитая себя счастливыми при одном взгляде, брошенном на нее, заранее победительном взгляде... Так, во всяком случае, кажется мне, северянину, хоть и далеко не все носители голубых глаз склонны к рефлексии, как и не все черноглазые красавцы так уж победительны и смелы... Но все же!

Писаных портретов Бальтазара не сохранилось, так что представлять можно что угодно, да и о цвете глаз спорить и спорить, но вот что он был красив, и хищно красив, это, во всяком случае, несомненно, и порукой тому — отношение женщин — многих и многих! — к нашему герою.

Юноши в те времена созревали рано! Бенвенуто Челлини к шестнадцати годам был уже законченным золотых дел мастером и вдобавок музыкантом. Не в редкость было встретить двадцатилетнего полководца, уже прославившего себя во многих сражениях, походах, сшибках и осаде крепостей. Рано созрел и Бальтазар Косса. Во всяком случае, ему было тринадцать лет, когда он упросил старшего брата, «адмирала» Гаспара Коссу, взять его с собой на пиратский корабль. «Адмирал» Гаспар Косса был не просто пиратом, его флот «работал» под защитой герцога Прованса, отделившегося от Неаполя при Луи I Анжу в 1370-х годах, а грабил он в основном побережье Берберии (нынешние Тунис, Триполи, Алжир и Марокко), весьма часто захватывая в прибрежных городках церковное

золото, серебро и дорогие облачения — плоды мусульманских набегов на окрестные христианские страны. Так что пиратство Гаспара Коссы скорее можно было назвать позднейшим словом «каперство», не лишаящим его носителя известного общественного уважения. Да, впрочем, профессия эта в те поры не так-то уж и отделялась от купеческой. Купцы-мореходы пиратством при случае отнюдь не брезговали! И все же разница, конечно, была. Одно дело — торговать и при случае ограбить кого-то. Другое совсем, когда грабеж чужих кораблей и прибрежных селений становится специальностью.

Кстати, Александр Парадисис, описывая пиратские подвиги Коссы, делает, как мне кажется, существенную ошибку, ставляя Коссу на своем корабле пользоваться такелажем, появившимся много позже описываемого времени. Суда конца XIV — начала XV века имели еще довольно скудную оснастку: два-три паруса (а то и один!). Косые паруса, позволявшие идти под углом к ветру, только появлялись и были еще достаточно неуклюжи. Парус держала огромная рея, подвешиваемая к верхушке мачты, управлять которой при шквальном ветре было почти невозможно, поэтому на военных галерах долгое время сохранялись ряды весел, за которыми сидели прикованные к сиденьям гребцы. Пиратские корабли обычно именно так и оснащались. Весельный ход помогал догнать «купца» при штиле или противном ветре, а прокорм гребцов пирату, учитывая размер его доходов, был не в тягость. Революция в парусной оснастке, позволившая, исключив весла, пересекать океаны, пользуясь сложной системой прямых (на первом и втором гроте) и косых (на бизани) парусов, больших нижних и меньших верхних, сверх того косых носовых, вынесенных через бушприт впереди корабля, — системой, позволившей идти галсами встречь ветру, — развивалась и утверждалась уже в XV–XVI столетиях, и раньше всего в странах Северной Европы и в Португалии, при принце Генрихе Мореплавателе, который сам никуда не плавал, но разрабатывал новые типы кораблей, приспособленных для плавания в открытых акваториях, в том «eterno mare», бескрайнем океане, который манил своею бесконечностью, манил устремляться

на Запад, к еще не открытым сказочным землям индейцев, и на Восток, к чудесам Индии и к островам пряностей, куда доплыли первыми именно португалцы...

Разбойничье судно Коссы, шебека или каракка, еще не имело, не могло иметь сложной парусной оснастки, но зато на скамьях нижней палубы, надежно прикованные к сиденьям, сидели пленники-гребцы, позволявшие судну развивать приличную скорость при всех капризах воздушных стихий. Кстати, первое судно, которое захватил Бальтазар после своего вынужденного бегства, было, видимо, испанской караккой: парусно-гребной трехмачтовик с тремя большими «латинскими» парусами, представлявший собою дальнейшее развитие каравеллы, превосходя каравеллу как в быстроте хода, так и в мощи вооружения.

Кого грабили они? Да, конечно, доставалось и туркам, и арабам. Но и «своим» христианам тоже! Длинная, низко сидящая галера или каракка неожиданно являлась из-за синих осыпей гор, из жемчуга пены, опоясывающей как бы летящие вниз, да так и застывшие в полете утесы, и, оцетиниваясь десятками весел, пускалась в погоню за пузатым бокастым купеческим гатом. И ежели, на счастье торгового корабля, не задувал нужный ветер, быстро нагоняла неповоротливую беззащитную посудину. А там — с ножами в зубах лезут по веревочным лестницам, дождем железных арбалетных стрел сбивая с бортов немногочисленную охрану корабля; а там — связанный капитан, грабеж, свалка, торопливо волочат добро, что поценнее, прочее, с обреченным кораблем — подарок морю! Ведут, как кули, бросают вниз с высокого борта богатых пленников, с кого можно получить выкуп или кого можно продать. Прочим — дружить с рыбами, акулы уже жадно кружат вокруг. Вода хлещет в пробоины и отверстия окна трюмов, вой обреченных морю взмывает и гаснет по мере того, как ограбленный корабль погружается в воды Средиземного моря, и затихает плач и визг насилуемых знатных матрон, которых порешили, отпробовав, попросту утопить.

Сегодня на пиратской галере даже прикованные к сиденьям гребцы получают по куску едва обжаренного мяса, по лишнему ломтю из захваченной добычи, и даже по глотку кисло-

го красного вина, и они смеются, открывая черные щербатые рты, смеются над теми, другими, которым, отправляясь на корм акулам, достается завидовать этим, живым, хотя и закованным в цепи...

И так — сколько раз? Сколько месяцев или лет? Лета то, впрочем, можно и подсчитать! Ежели с тринадцати до двадцати лет он плавал на корабле брата-«адмирала», а с двадцати пяти лет еще четыре года пиратствовал сам — немалый срок! До той памятной бури, едва не покончившей с молодым Балтазаром, поломавшей и возвысившей всю его дальнейшую судьбу...

Впрочем, до этой роковой бури был пятилетний перерыв (1380–1385), когда Балтазар, по совету матери, учился на правоведческом отделении Болонского университета.

Парадисис полагает, что юного Балтазара в пиратстве привлекали больше всего хорошенькие девушки, которых рыцари моря часто захватывали в плен. Тут, как мне кажется, автор увлекся позднейшим списком церковных обличений. Хорошеньких девушек хватало и дома. Иное заставило юного Коссу покинуть родные пенаты: слава старшего брата, неведомые земли, зов моря, наконец, зов, который краем, лишь в старости, довелось испытать и мне, грешному (да уже не было сил, уже позабылись мечты далекого детства!). Но — сияющая серебряная даль! Вечная дымка влаги, висящая над водою, сквозь которую и солнце порою кажется не золотым, а серебряным. Но одиночество моря! Но тишь! Но упругие груди выгнутых парусов! Но ожидание! Часы и дни простора! И наконец, в какой-то миг, бешеная погоня, когда бичи надсмотрщиков хлещут по мокрым спинам залитых потом, хрипло дышащих гребцов, а команда стоит, кто побледнев, кто закаменев ликом с абордажными саблями в руках, на носу лихо-радочно поворачивают пушку и близит, близит высокий борт чужого корабля, где крики капитана, гвалт, откуда нестройно и не метко летят, крутятся, раскаленные ядра и, шипя, уходят в пену вод, и вот... Вот оно! Чьи-то лица, рты, разъятые в реве, нож в зубы и первым, обязательно первым! Заскочить на борт вражеского «когда» или «нефа», уже не думая, сумели ли товарищи надежно зачалить крючьями борта кораблей, или,

стукнувшись нашивами, суда разошлись врозь и ты один в мятущейся толпе разномастно одетых, оливковых, черных, горбоносых лиц, и уже остается только рубить, рубить и рубить, губу закусивши до крови, отбивая удары вражеской стали и чуя, как веянье близкой смерти шевелит кудри на голове... Но вот, наконец, волна своих, и победный клич, и уже те бегут, и падают ниц, сдаваясь. О сладкий миг одоления! О мгновение, когда сила ходит в руках, когда хочется еще и еще рубить, и взор твой столь дик, что полоняников в ужасе отшатывает посторонь... А девушки — что девушки! Они для того и рождены, чтобы, темнея взором и трудно дыша, самым срывать с себя дрожащими пальцами преграду одежд и, уже почти теряя сознание от ужаса и сладкого ожидания, падать в руки молодого чернокудрого красавца-победителя, не думая в этот миг ни о чем больше... Да и не так часто встречаются женщины на торговых кораблях! Скорее, их можно захватить в набегах на берберские селенья, в каменных логовах восточных пиратов, среди коврового узорочья, ковани, дорогого оружия и посуды. Иные, выкупленные родичами, со слезами на глазах покидали объятия прекрасного бандита, но и тотчас позабывались — море властно звало к себе, звало на новые подвиги, новые битвы и новую кровь... Всю жизнь он брал женщин, не задумываясь об этом, и совсем не понимал женской ревности.

В родной приют на Искии заглядывали изредка, от случая к случаю. В один из таких наездов уже подросткового Бальтазара мать увела в свой особый покой, где в двойное итальянское окно, разделенное надвое тонкою полуколонной, виднелась ослепительно-синяя гладь неаполитанского залива и почти не долетало бляньня коз снизу, с хозяйственного двора.

По правде сказать, мать гордилась этим своим поздним сыном, родившимся тогда, когда уже старший, Гаспар, руководил пиратским флотом, когда и не ждали со стариком-отцом, что она забеременеет... Но — родился! И вырос силачом и красавцем. И только одно долило: когда почувяла тяжесть чрева, перед распятием поклялась, что ежели даст Бог, то этот последний сын (о дочери почему-то и мысли не было) пойдет по

стеze духовной. И теперь, несколько робея, оглядывала своего уже двадцатилетнего молодца (ребенок для матери всегда юн!), и руки, уложенные на хрусткий атлас пышного, по моде, платья, слегка вздрагивали: не нагрубил бы, не отрекся, не встал, прекращая разговор! Говорила, волнуясь, о традициях рода — пять веков! Пять веков Косса почти непрерывно поставляли кандидатов на духовные должности римской церкви! Ты должен окончить университет (годы идут!), ты должен встать на путь, избранный для тебя нами, мной и покойным родителем твоим, ты станешь священником, станешь епископом, потом кардиналом! Уже не случайная удача пиратских набегов, но твердая власть, поддержанная всем авторитетом Церкви, станет делом твоим!

Бальтазар слушал и не слушал. В окно задувал ласковый морской ветер, в который вплетались запахи лавра и роз, растущих под окном. Устал ли он от подвигов своих? Наскучило ли уже привычное, и не свое, ибо Гаспар Косса был крутым адмиралом, людей своих, не исключая брата, держал железной десницей? Наскучило ли Бальтазару быть под началом хотя бы и в своей семье? Но он слушал мать и не уходил и постепенно, взглядывая на ее высохшие, слегка дрожащие руки, начинал понимать, что ничто не вечно в этом мире и мать права, да, права! И значит, ему надлежит ехать в Болонью и поступать в тамошний прославленный на всю Европу университет, войти в буйное братство студентов, которые вели себя в Болонье почти как пираты, временно захватившие город (в Болонье на шестьдесят тысяч жителей студенты составляли пятую часть населения).

II

Болонский университет был, прежде всего, знаменит изучением юриспруденции. Собственно, он и возник на основе болонской юридической школы, появившейся еще в XI столетии. Фигура болонского доктора прав вошла даже в фольклор Италии. Преподаватели и студенты университета считались неподсудными местным судебным органам, им был открыт до-

ступ для поездок в любую страну, ректорат университета избирался студентами, среди преподавателей (в то время!) были даже женщины, а болонская форма обучения во всех странах считалась образцовой.

Обычная университетская программа в те века включала обучение первой степени — это низший, «артистический» факультет, где изучали «семь свободных искусств», разделенных на два отдела: тривиум (грамматика, диалектика и риторика) и квадривиум — арифметика, геометрия, музыка, астрономия. Окончивший квадривиум сдавал экзамен на бакалавра. Экзамены, кстати, включали обязательный диспут, где один из состязателей опровергал, а другой защищал известные положения тогдашней науки — какие-нибудь традиционные богословские истины. Далее можно было готовиться на следующую ступень, чтобы стать магистром свободных искусств (род нашей аспирантуры). Тут уже учащиеся разделялись по трем высшим факультетам. Теологический (богословский) давал право занимать в дальнейшем высшие церковные должности, ибо низовая монашеская братия тогдашних монастырей ни даже рядовые священники особою грамотностью похвастаться не могли. Вторым факультетом, или отделом, был юридический, как уже сказано, особенно сильный в Болонье. Тут изучались обычное (римское) право и церковное право. Он готовил, опять же, не только юристов, многие видные деятели церкви кончали именно юридический отдел. И третьим отделом был медицинский. Окончивший один из этих трех факультетов получал звание доктора наук (доктора теологии, доктора прав или доктора медицины) и становился профессором.

Знаменитые преподаватели пользовались всеевропейской известностью, их переманивали в свои университеты главы государств. Студенты из разных стран ехали подчас специально, чтобы послушать курс у такого-то прославленного профессора, благо язык науки всюду был один и тот же — латынь. В Болонью приезжали учиться студенты из Германии, Баварии, Австрии, Венгрии, Богемии (Чехии), из Арагона, даже из Франции, не говоря уже о государствах самой Италии. И то, что Косса изучал теологию и право именно в Болонье, —

как бы он себя ни вел в моральном отношении (будем честны: а как себя ведут студенты во все века и во всех странах?), то, что он стал доктором обоих прав, уже достаточно выделяло его из общей массы тогдашних деятелей, и светских и церковных, нравственность которых была подчас ниже нравственности рядовых горожан, возможно попросту не имеющих таких возможностей для «самовыражения».

Парадисис приводит ряд свидетельств тогдашних Отцов Церкви, достаточно выразительных, и о непотребствах пап, и о взаимных жестокостях в борьбе за власть, когда уже мало смерти, но противнику отрезают нос, губы, язык, отрубают руки и ноги, заставляя погибать в жестоких мучениях... И о неграмотности рядовых священнослужителей, зачастую не понимающих латыни, выучивающих молитвы на слух, с чудовищными ошибками. Нелепости встречались порою даже в церковных книгах, вроде той, где поминались в ряду святых Ориель, Рангуель и Дамбиель (имена дьяволов).

Веронский епископ Ротерий сетовал, что большинство церковнослужителей убеждены в материальности Бога, в том, что он имеет человеческий образ, и не понимают простейших слов, употребляемых при богослужении. В области нравственной творилось такое, перед чем соблазнительные картинки «Декамерона» являлись невинною мелочью. Сравнительно недавно введенный целибат — обет безбрачия для священников, породил невиданный сексуальный разгул. Священники заводили любовниц, а епископы обкладывали их специальным налогом «за любовницу». Женам надолго уехавших мужей Церковь (естественно, за плату!) разрешала заводить любовников. В свою очередь, неаполитанский король издал указ, что власть светских судов не распространяется на сожителей служителей церкви, поскольку те тоже «служат церкви», а церковники подсудны одному папе. Тогдашняя учительная литература полна обличений монашеского распутства, и в самом обществе — наряду с массовой верой, наряду с религиозными движениями, охватывающими сотни тысяч людей (одни Крестовые походы чего стоят!), — росло возмущение поведением служителей Церкви, приближавшее, более того, делавшее неизбежной Реформацию. Франко Саккетти, итальян-

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАШОВ
БАЛЬТАЗАР КОССА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Дмитрий Капитонов, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.12.2025.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-39837-01-R